

Фэн Хао зажег благовоние легким движением своей зажигалки.

Держа его между тремя пальцами, он вставил руку в курильницу перед статуей Гуань Эри — с ухмылкой на лице, словно это была тайна, понятная только ему одному.

С тех пор как эта статуя Гуань Эри была установлена, только высшие руководители банды Цинлун имели право приносить жертвы с этого места.

Эти мужчины — правители как подпольного мира, так и легального — с почтением воздавали дань, всегда используя обе руки. Независимо от их власти, они кланялись этому символу верности и чести.

Но Фэн Хао... не верил в богов.

Он почитал их только внешне, но не по вере. Он верил лишь в одну истину: судьба находится в твоих собственных руках.

Будучи богатым наследником во втором поколении, он вернулся из-за границы, чтобы унаследовать разбитое наследие своего отца после подозрительного «несчастливого случая».

Теперь, окруженный врагами из соперничающих фракций, недоверчиво относясь к старым бандитским старейшинам и находясь под пристальным наблюдением полиции, Фэн Хао ни разу не дрогнул.

После того как он положил благовоние, он развернулся и вошел в зал. Два подчиненных ждали, удерживая дрожащего Линь Лана.

Фэн Хао остановился в центре комнаты, молчаливый. Но даже в тишине его присутствие давило, как буря.

Линь Лан, не в силах это вынести, заговорил, его голос дрожал.

— Молодой господин...

Фэн Хао слегка улыбнулся.

— Ты его отпустил?

— Это нечестно, молодой господин, я всего лишь задремал на минуту... как я мог знать, что этот коп...

Он вдруг вспомнил что-то и в панике поднял рубашку.

— Смотри! Он тоже меня ударил!

Глаза Фэн Хао скользнули к пропитанной кровью повязке, обмотанной вокруг живота Линь Лана. Он вернулся к нему с безразличным взглядом.

— Если ты говоришь правду, — произнес он равнодушно, — тогда ты бесполезен. Если ты лжешь... ты неверен.

Он слегка наклонил голову.

— Так скажи мне — зачем мне держать кого-то, кто либо бесполезен, либо неверен?

Он не ждал ответа. Легким движением запястья он подал сигнал своим людям. Они схватили Линь Лана за руки.

Паника охватила лицо Линь Лана. Он упал на колени.

— Господин, господин...

Фэн Хао поднял руку, давая знак остановиться.

Воспользовавшись моментом, Линь Лан вырвался и пополз вперед, отчаянно цепляясь за ногу Фэн Хао.

— Господин, пожалуйста, просто дайте мне еще один шанс!

Фэн Хао с легким смешком посмотрел на него.

— Ладно, — сказал он мягко. — Если ты сможешь пройти сюда... ты можешь остаться моей собакой.

Линь Лан замер, словно молния ударила ему в спину. Остальные в комнате мрачно засмеялись, ожидая следующей сцены.

Его лицо исказилось — стыд, сопротивление, отчаяние. Но в конце концов он сломался. Стиснув зубы, он опустил голову... и пополз к паху Фэн Хао.

— Стоп! — закричал режиссер.

— Я уже десяток раз говорил, что выражение Фэн Хао должно быть холодным — высокомерным! Ты выглядишь так, будто у тебя запор. Где угроза?

— Извините, извините, — глубоко поклонился Фэн Хао. — Не знаю, почему, но я просто нервничаю каждый раз, когда снимаю эту сцену.

— Ты до этого справлялся нормально. Почему ты постоянно делаешь NG? Это простая сцена.

Фэн Хао продолжал извиняться.

— Может, потому что я слишком уважаю учителя Линя. Мысль о том, чтобы обращаться с ним таким образом на площадке, просто кажется... неправильной.

— То, что ты делал за камерой, твое дело. На площадке он не учитель Линь, он твой подчиненный. Ты босс. Эта сцена о власти, а не о восхищении. Понял?

Режиссер вздохнул, а затем обратился к Линь Лану с успокаивающей улыбкой.

— Просто помогаю новичку войти в образ. Никаких обид, верно?

Даже до того, как режиссер крикнул «стоп», ассистент Линь Лана уже поспешил к нему, помогая встать, отряхивая колени, аккуратно поправляя костюм, как истинный слуга двора.

Линь Лан принял это все с привычным спокойствием — плечи прямые, выражение лица безмятежное. Никто не мог связать этого гордого человека с тем, кто только что ползал по полу.

Семь NG.

Линь Лан ползал семь раз.

Даже опытные актеры могли бы потерять терпение, но Линь Лан, известный своей холодностью и отстраненностью, все это вытерпел в молчании.

Воздух на площадке был душливым.

Все испытывали жалость к Фэн Хао. Несмотря на то, что он новичок, он был вежлив, талантлив и пользовался симпатией. Но эта сцена... даже ветераны могли не выдержать ее без последствий.

Просить Линь Лана ползти и умолять его повторно, сколько актеров смогут встретиться с ним после этого и все еще выступить на высоте?

— Перерыв, — сказал Линь Лан без эмоций и вышел, не дожидаясь разрешения.

Режиссер вздохнул.

— Ладно. Полчаса перерыва.

Облегчение охватило съемочную группу. Присутствие Линь Лана было как зима — холодное, молчаливое, угнетающее. Но он был обладателем премии «Лучший актер». Если его гордость соответствовала его таланту, это считалось честной расплатой.

Облегчение охватило съемочную группу. Присутствие Линь Лана было как зима — холодное, молчаливое, угнетающее. Но он был обладателем премии «Лучший актер». Если его гордость соответствовала его таланту, это считалось честной расплатой.

Один из сотрудников похлопал Фэн Хао по плечу.

— Тяжелый момент, — пробормотал он. — Но ты был хорош, серьезно.

— Думаешь, мне стоит извиниться? Он, наверное, ненавидит меня сейчас... — голос Фэн Хао был полон вины и страха.

— Лучше не надо, — сказал кто-то другой. — Ты же видел его лицо? Ты только подольешь масла в огонь.

— Верно. Подожди, пока он успокоится. Он не будет держать на тебя зла за то, что ты новичок.

Фэн Хао неохотно кивнул, все еще выглядя подавленным.

Тем временем Линь Лан не вернулся в свою личную гримерку. Вместо этого он зашел в общественный туалет в конце коридора.

Как только он вошел в кабину, он закрыл дверь на замок и тяжело облокотился на нее, одна рука поднялась, чтобы закрыть глаза.

Черт возьми.

Он стоял неподвижно в течение момента, его дыхание было прерывистым.

Затем его рука переместилась мимо лица, по горлу, касаясь его кадыка.

Он глотнул.

Рука скользнула ниже, касаясь его груди, слегка дрожа.

Сквозь тонкую ткань костюма его пальцы достигли пропитанных кровью повязок на животе... и затем двинулись ниже.

Сначала его движения были осторожными, нежными, робкими, но быстро стали безумными. Все его тело дрожало, когда разочарование и стыд превращались в лихорадочное неистовство.

Линь Лан. Киноимператор-Айсберг.

Человек, известный своим спокойствием, непоколебимым достоинством, теперь прячется в общественном туалете, удовлетворяя себя, свое постыдное тайное желание.

Сцена прокручивалась в его уме снова и снова: ползание, унижение, насмешливые взгляды.

Он думал, что справится. Он думал, что простая съемка, несколько NG, не сломает его.

Он ошибся.

Под жестким светом, окруженный зрителями, что-то внутри него треснуло. Он чувствовал себя совершенно обнаженным, как будто его самые глубокие желания были выставлены напоказ для всего мира.

Голос Фэн Хао звучал у него в ушах: «Если ты сможешь пройти сюда... ты можешь остаться моей собакой».

Эти слова хлестали его разум, как плеть. Его тело безвольное ответило.

— Ахх... — он прикусил губу, подавляя стон, когда оргазм охватил его, затопляя стыдом и удовольствием.

Линь Лан, 32 года, — ослепительная загадка в индустрии развлечений, актер редкого таланта и самый молодой обладатель премии «Лучший актер».

С лицом, созданным для серебряного экрана, и манерой, которая холодит даже самых смелых журналистов, он заслужил прозвище: «Киноимператор-Айсберг».

Но за этим гламуром и признанием скрывается тайна, которая может разрушить его тщательно подобранный имидж — непоколебимый, глубоко укоренившийся мазохизм, который управляет его личным миром.

<http://bllate.org/book/13924/1226821>